

Рядом стояло немало народу, среди них был и Чжоу-гэр.

— Ах ты, дрянь! — Старшая госпожа Ма совсем голову потеряла от злости. — Ты меня так отделал, что теперь придётся к лекарю идти! Будешь платить и за лечение, и за увечья, иначе я этого так не оставлю!

— Тьфу! — Чжоу-гэр, даже не разобравшись в причинах драки, тут же встал на защиту друга. — Куда это тебе лекарь понадобился? И за какие такие увечья платить? Рожей не вышла, а мечтаешь о несбыточном! Раскабанела как свинья, я бы ещё сказал, что это ты Чжао-гэра чуть не раздавила! Это ты нам платить должна!

— Вот именно, — поддержал кто-то из толпы. — Посмотрите на Чжао-гэра: лицо опухло, а из уголка рта всё ещё течёт кровь... А ты? Где у тебя хоть царапинка?

— Я... — Старшая госпожа Ма замялась. Била-то она по лицу, а сама получила в основном по животу, но не могла же она при всех задрать одежду и показывать синяки. — Он меня и вправду побил!

Никто ей не поверил.

Ма-старуха разразилась площадной бранью, выплёскивая такие слова, что Чжоу-гэру стало тошно слушать. Подхватив одежду Чжао-гэра, он подставил ему плечо и повёл его к дому, не желая больше препираться — только достоинство терять.

Старшая госпожа Ма попыталась было броситься вдогонку и схватить Чжао-гэра, но её перехватили.

— Слышь, Ма, ты никак страх потеряла? — осадил её один из соседей. — Забыла, чей это фулан? Тебе мало было трёпки от Фан Цзычэня? Или вы новый стол купили и решили, что теперь море по колено?

Эти слова подействовали как ушат ледяной воды. Гнев мгновенно улетучился, уступив место холодному рассудку. Перед глазами Ма-старухи невольно всплыла картина: Фан Цзычэнь одним ударом дубины разносит их тяжёлый обеденный стол в щепки.

Её прошиб холодный пот. Она замерла, не в силах шевельнуться.

«Что же я... совсем голова садовая? — запоздало ужаснулась она. — Ну зачем я в драку с ним полезла?»

Чжао-гэр сам по себе не пугал её, но за его спиной стоял настоящий дьявол.

— Ну ты и даёшь... Спокойная жизнь надоела? — покачал головой сосед. — Теперь, когда руки распустила, иди домой, мой шею и жди, когда Фан Цзычэнь к тебе нагрянет!

Лицо Старшей госпожи Ма стало мертвенно-бледным. Она мелко задрожала, и кто-то, сжалившись, посоветовал:

— Послушай, Ма, может, тебе к родителям сбежать на время? Переждёшь грозу.

Но тут же раздался другой голос:

— От судьбы не уйдёшь — если не сегодня, так завтра всё равно отвечать придётся.

Старшая госпожа Ма: «...»

Лю-паршивец, прихрамывая, вышел вперёд и доверительно сообщил:

— Да ладно тебе, не велика беда — ну, побьёт разок. Поверь моему опыту: лучше заранее сходи в город за хорошей мазью от ушибов. И помойся хорошенько напоследок, а то боюсь, потом полмесяца с кровати встать не сможешь. В лавке на Западной улице отличные пластыри продают — дешёвые и помогают быстро, я на себе проверял.

— Да чего ты лезешь с советами? — фыркнул кто-то. — Она же на днях у разносчика лечебное вино купила. Небось заранее знала, что пригодится, раз сегодня кулаками махала!

Старшая госпожа Ма: «...»

***

Когда Фан Цзычэнь вернулся с работы, он сразу заметил во дворе какой-то беспорядок. Чжао-гэр хлопотал на кухне у печи, рис уже томился в котле, но фулан даже не обернулся, как обычно. Склонив голову и всячески избегая смотреть на Цзычэня, он негромко пробормотал:

— Ты вернулся... Обед ещё не готов, иди в комнату, подожди. Здесь дымно очень.

Стояла жара, и обычно Чжао-гэр готовил всё заранее, чтобы к приходу мужа осталось только обжарить овощи. То, что еда задерживалась, было тревожным знаком. Фан Цзычэнь молча наблюдал за ним несколько секунд. Супруг пытался отвернуться, но юноша властно обхватил его подбородок и заставил поднять голову.

— Что с лицом? Тебя побили?

— Нет, — Чжао-гэр ляпнул первое, что пришло на ум. — Просто упал случайно.

— Ну, падать ты умеешь с большим мастерством, — Цзычэнь выпустил его подбородок, огляделся по сторонам и, вытянув из поленницы ветку толщиной с палец, многозначительно постучал ею по ладони. — Колись давай, а не то применю семейный устав!

Чжао-гэр оторопел:

— Семейный устав?

— Именно! — отрезал Цзычэнь. — За ложь у нас полагается порка по мягкому месту. Немного, всего тридцать ударов. Но, — он с сомнением оглядел худую хрупкую фигуру Чжао-гэра, — боюсь, при твоей комплекции после тридцати ударов кожа лопнет и кровь рекой потечёт.

Чжао-гэр инстинктивно вздрогнул. Он не совсем понимал, что значит «лопнет кожа», но вкус палки знал слишком хорошо. Он понимал, что Фан Цзычэнь просто пугает его, но вид прута в его руках вызывал невольный трепет.

— Это Старшая госпожа Ма... — тут же признался Чжао-гэр.

— Опять эта мегера? — брови Цзычэня сошлись на переносице, лицо опасно потемнело. — За что она тебя?

Чжао-гэр, точно провинившийся ребёнок перед строгим родителем, понурил голову и выложил всё как на духу:

— Мы немного поспорили... Я не сдержался, ну и... в общем, подрались мы.

Чжао-гэр не был из тех, кто привык безропотно сносить удары. В доме Ма он не сопротивлялся лишь потому, что прекрасно осознавал последствия — протест обернулся бы ещё большей бедой. Нищета часто вытравливает в людях милосердие. Его купили как тунъянфу, и семья Ма считала, что вольна делать с ним что угодно. Даже когда его избивали, соседи лишь изредка бросали пару слов в его защиту, но на большее их доброты не хватало. Стоило семье Ма огрызнуться: «А что, жалко его? Так забирай себе, корми его сам!», как все тут же умолкали.

В том доме он терпел, но теперь он больше не был их собственностью. К тому же Старшая госпожа Ма посмела замышлять недоброе против Гуай-цзая — для Чжао-гэра это было равносильно покушению на его собственную жизнь. А ту пощёчину на берегу она смогла отвесить лишь потому, что застала его врасплох.

Выслушав фулана, Фан Цзычэнь помрачнел ещё сильнее. Сначала попытка навредить сыну, теперь нападение на его супруга... Старые и новые обиды сплелись в один клубок, и Цзычэнь чувствовал, как ярость подступает к самому горлу. Семья Ма совсем распоясалась. Он дважды проучил их, но, видимо, память у них оказалась короткой.

Ещё никто не смел задевать людей Фан Дабабы и оставаться безнаказанным.

— Твою мать... — Цзычэнь отшвырнул ветку в сторону и посмотрел на Чжао-гэра. — Сильно болит? Потерпи немного, через пару дней я за тебя отыграюсь.

— Угу, — отозвался Чжао-гэр, но в глубине души почувствовал укол разочарования.

Раньше, когда в семье Ма его поносили и били, Ма Вэнь часто говорил ему то же самое: «Потерпи». И он терпел. А что ему ещё оставалось? Ма Вэнь на каждом углу твердил о своей любви, но ни разу не заступился за него, лишь призывал к смирению. Чжао-гэр никогда и не ждал защиты от Ма Вэня, но Фан Цзычэнь — его муж. Он надеялся, что, узнав об обиде, Цзычэнь сразу пойдёт и выплеснет за него ярость. Ему даже не нужно было совершать подвигов — достаточно было бы просто вместе с ним обругать Ма-старуху, и на сердце стало бы легче.

Когда Лю-паршивец только попытался задеть его, Цзычэнь тут же кинулся в бой, хотя до дела даже не дошло. А сейчас, когда его на самом деле ударили, муж просит «потерпеть». Этого Чжао-гэр понять не мог.

Вскоре вернулся Гуай-цзай, наловивший дождевых червей, и тут же заметил ссадины на лице папы. Он обхватил ногу Чжао-гэра и, смешно сморщив носик, спросил:

— Папа, больно?

Чжао-гэр присел и погладил его по голове:

— Уже не больно, малыш.

— Это злая бабка Ма тебя удалила? — догадался Гуай-цзай. Не дожидаясь ответа, он сжал крохотные кулачки и сердито засопел: — Бабка Ма — плохая! Плохих надо бить! Вот я выласту и задам ей за папу, отомстю за тебя!

Фан Цзычэнь с усмешкой вклинился в разговор:

— И как же ты собираешься её наказывать?

Гуай-цзай задумался, выпятил маленькую грудку и важно заявил:

— Когда я вылясту, бабка Ма будет совсем стальной. Она будет ходить с палочкой. А я подбегу, отбелу палочку, сломаю её и выблюшу! Пускай домой на карачках ползёт!

Чжао-гэр невольно посмотрел на Фан Цзычэнь. Было ясно как день, чьё это влияние. Несколько месяцев назад, когда семья Ма пришла скандалить, Цзычэнь именно так и поступил — отобрал трость у старика Ма и переломил её. Старика тогда невестки под руки домой уводили.

Чжао-гэр промолчал, но в его взгляде читалось явное осуждение. Цзычэнь понял: дело пахнет керосином. Хорошо хоть, Гуай-цзай не видел, как он отделывал Лю-паршивца. Впредь надо быть осмотрительнее — все разборки и «грязные дела» проводить подальше от детских глаз.

Следующие несколько дней Фан Цзычэнь уходил на рассвете и возвращался затемно. Дома он всё время возился с какими-то глиняными кувшинами, стучал чем-то, смешивал... Поиграв немного с сыном, он заставлял его учить новые иероглифы. Гуай-цзай оказался на редкость смыслёным — уделяя учёбе всего понемногу каждый день, он уже запомнил несколько сотен знаков. Цзычэнь от гордости едва не лопался, считая себя великим педагогом.

У семьи Фан своей земли не было, поэтому, когда пришло время собирать кукурузу у семьи Чжоу, Чжао-гэр, вернувшись с продажи кровяной колбасы, перекусил и отправился на помощь, прихватив с собой сына. У Цзычэнь как раз был выходной, и он решил не отставать.

В этих краях бедняки полагались только на грубую силу. Поле дяди Лю было далеко от дома, а с его больной ногой таскать тяжёлые корзины было тем ещё испытанием. Цзычэнь кукурузу собирать не умел, да и кожа у него была куда нежнее, чем у местных, но он честно вызвался помочь. Однако не успел он проработать и получаса, как шея покраснела и нестерпимо зачесалась от сеной трухи и едкой пыли. Юноша извёлся весь, порываясь расчесать кожу, но Чжао-гэр вовремя его перехватил.

— Не трогай, сейчас водой промоем, — Чжао-гэр смочил тряпицу и принялся осторожно протирать шею мужа. — Не чеши, а то кожу до крови раздерешь.

— Да чешется же невозможно!

Чжао-гэр немного подумал и стал аккуратно надавливать ногтями на зудящие места — так и зуд унимался, и кожа оставалась целой.

— Так лучше?

— Угу.

Фан Цзычэню полегчало. Он присел на поваленные стебли кукурузы, привалившись к Чжао-гэру. От жаркого солнца его щеки окрасились нежным румянцем — истинный «лик, подобный

нефриту», прекрасный, словно цветок персика. Гуай-цзай и Лю-лю неподалёку возились с початками, тётушка Лю и Чжоу-гэр были заняты делом и не смотрели в их сторону. Чжао-гэр, замороженный этим мимолётным видением, вдруг придвинулся и невесомо коснулся губ мужа поцелуем.

Такое случалось редко. Вне дома Чжао-гэр всегда был очень сдержан и застенчив. Фан Цзычэнь аж подпрыгнул на месте от неожиданности. Он заглянул в сияющие глаза супруга, полные обожания и какой-то робкой жажды, и почувствовал, как внутри всё перевернулось.

«Твою ж... — пронеслось в голове Цзычэня. — А этот гэр умеет соблазнять!»

Он придвинулся к самому уху Чжао-гэра и прошептал:

— Средь бела дня, на глазах у честного люда... И как только совести хватило так меня домогаться? Ах ты, бесстыжий развратник! Всё, пропала моя невинность... Чжао-гого, теперь тебе придётся за мою поруганную честь до конца жизни отвечать!

<http://bllate.org/book/15357/1437463>